

1938-1939: ФРАНЦУЗСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ОТ «УМИРОТВОРЕНИЯ» К «СДЕРЖИВАНИЮ» ИЛИ ПОЛИТИКА ГАРАНТИЙ

В череде событий, предваривших гитлеровское нападение на Польшу, и «мюнхенская» политика, советско-германский пакт носили не решающий, а подчинённый характер, поскольку их участники (Англия и Франция в первом случае, СССР – во втором), по сути, пытались обезопасить себя от гитлеровской агрессии, которая была главной причиной возникновения второй мировой войны. Между тем, анализ политики Франции в конце 1938 и до сентября 1939 г. позволяет ответить на вопрос о том, насколько желательным или вынужденным было для дипломатии Парижа развитие ситуации в последний предвоенный год. Центральным в этом анализе будет узел противоречивых отношений между ключевыми игроками, от взаимодействия которых зависела возможность формирования антигитлеровской коалиции накануне войны: между, с одной стороны, англо-французским тандемом и Польшей и, с другой стороны, Советским Союзом.

1. Противоречия «политики умиротворения» на западе и на востоке:

1.1. Выбор между Москвой и Берлином: стратегическое и идеологическое измерение

Политика умиротворения Германии или «мюнхенская» политика была прологом и одной из важных причин второй мировой войны. Будущие жертвы гитлеровской агрессии делят ответственность за политику, лишившую их возможности коллективно противостоять агрессии. Нарком иностранных дел СССР Литвинов, прощаясь с послом Франции Кулондром (Coulondre), которого перевели из Москвы в Берлин (16 октября 1938 г.), поведал послу о своём «жестоком разочаровании», порожденном поведением Англии, но особенно, Франции, в последнем (чехословацком – Е.О.) кризисе. Он не верил в возможность какого бы то ни было общего урегулирования с

национал-социалистским Рейхом и заявил, что СССР, под надёжной защитой своих границ, отныне оставалось лишь наблюдать за установлением германской гегемонии в Центральной и Южной Европе. В то же время, он признал, что для установления равновесия сил в Европе и сдерживания германской экспансии Англия и Франция могли бы предпринять ещё одно гигантское усилие (*un effort suprême*). В этом случае, - добавил он, - две державы *«должны будут обратиться к нам, и мы скажем своё слово»*¹.

Кулондр считал, что Гитлер захочет договориться с Польшей и обменять Данцигский коридор на Мемель, чего и опасались прибалты. Литвинов, не отвергая этого варианта, считал, что опасность исходила непосредственно от Германии, которая хотела бы взять балтийские страны под свой контроль. Кулондр считал, что, несмотря на заверения наркома о том, что СССР нечего бояться Гитлера, в Москве уже в октябре 1938 рассматривали два сценария: возможное нападение Германии на Англию (после «нейтрализации» Франции) или на СССР. Оставляя свой пост в Москве, французский посол предвидел, *«что будут предприняты усилия, чтобы этот выбор был сделан в желательном направлении. Мы должны, следовательно, учитывать в будущем акцию Кремля с целью, конечно, тайно и не напрямую (une action officieuse et indirecte), войти в контакт с Берлином и прозондировать его намерения»*². Кулондр предположил, что в таком случае единственным приемлемым для Берлина вариантом может быть раздел Польши вследствие русско-польской войны. Запись этого разговора и комментарии французского дипломата, пусть даже речь идёт не о первых лицах, отражают современное восприятие ситуации. Многие во Франции и в Восточной Европе, перед лицом усилившейся германской угрозы, рассматривали СССР не только как очевидного союзника против Гитлера. Наравне с этим, ими рассматривался сценарий соучастия СССР в силовом переделе центрально-европейских границ.

¹ DDF - Documents diplomatiques français . Série 1936-1939. – P. , 1975. Т . XII, p. 275.

² DDF - Documents diplomatiques français . Série 1936-1939. – P. , 1975. Т . XII, p. 277.

Неэффективность англо-французской политики дипломатического сдерживания агрессора, последовавшей за Мюнхеном, во многом была результатом кризиса в ориентации стран Центральной и Восточной Европы и западных демократий, которым следовало выбрать из «двух зол»: между замирением с Гитлером и союзом со Сталиным. Поэтому, как представляется, ключ к пониманию проблемы следует искать не столько в анализе дипломатической деятельности отдельных стран, сколько в анализе подсистемы международных отношений в предвоенной Европе и логики её эволюции.

Её факторами были: ослабление международных позиций Франции (ключевого игрока Версальской системы) в пользу островной Великобритании; параллельное возрастание мощи агрессивных государств фашистской оси на востоке, после нарушения суверенитета Чехословакии, что явилось и показателем и сигналом к распаду системы антигерманских союзов, созданной Францией после первой мировой войны; ключевая роль СССР – «несистемного» государства, опирающегося на европейские коммунистические партии, объединённые в Коминтерн и руководимые из Москвы. Последнее обстоятельство ставило европейские правительства, прежде всего, Франции и Польши, перед выбором (далеко в те годы неочевидным) между опасностью со стороны агрессивных фашистских государств и коммунистической опасностью со стороны Советского Союза и партий подчинённого ему Коминтерна. Добавим к этому, что вплоть до войны у большинства европейских политиков не было идеологического понимания нацизма, в котором видели новое издание германского реваншизма, отчего в те годы Сталин казался многим опаснее Гитлера - диктатора, но не разрушителя капитализма.

Это принимали во внимание в Москве, и даже ставили на первый план, размышляя над перспективами пакта с Англией и Францией. 25 мая 1939 г. посол СССР в Париже Суриц пишет Потёмкину, заместителю наркома, курировавшему после отставки Литвинова советско-англо-французские

переговоры: *«В течение ряда лет они (Чемберлен, Даладьё, Боннэ) лелеяли надежду, что очередными уступками то одному, то другому диктатору удастся отвести от себя угрозу и даже больше того, освободиться раз и навсегда от красной опасности... Организовать сопротивление без Москвы невозможно, ...а заключить союз с СССР боязно – это значит нанести смертельный удар фашизму, с которым связывалось столько надежд»*³.

Важно также, что, несмотря на сопоставимость потенциалов Франции и Англии, с одной стороны, и Германии и Италии, с другой стороны, в 1938 г. было очевидно (и для правительств и для общественного мнения), что противостоящие агрессивным державам демократии качественно проигрывают в могуществе, т.е., если воспроизвести формулу Р.Арона, в способности «навязать свою волю Другому и не дать навязать себе чужую волю». Это понимали и в СССР. Литвинов писал Сурицу, анализируя причины Мюнхенского соглашения: *«Когда приходится идти в окопы не ради непосредственной защиты границы, энтузиазма ждать не следует... Энтузиазм создаётся в таких случаях пропагандой... Верно то, что французское правительство ничего не сделало для разъяснения населению значения Чехословакии с точки зрения интересов обороноспособности самой Франции»*⁴.

Францию, которая 22 мая 1938 г. устами Даладьё заявила о верности своим обязательствам в отношении Чехословакии, подтолкнула к Мюнхену позиция Лондона, который в период чехословацкого кризиса играл первую скрипку и твёрдо отказывался рисковать столкновением с Гитлером из-за Чехословакии. Эта политика была основана, с одной стороны, на признании превосходства германской военной машины, и особенно, национального сплочения немцев вокруг идеи реванша, с другой стороны, на надеждах, что политика умиротворения позволит избежать войны с Германией. Военные приготовления Гитлера были очевидны. Генерал Ренондо (Renondeau),

³ АВП РФ, ф.0136, оп. 23, пап. 176, д.№ 913, л. 45.

⁴ АВП РФ, ф.0136, оп. 22, пап. 172, д.№ 865 (19 октября 1938).

военный атташе Франции в Берлине, констатировал 20 сентября 1938 г.: «Германия стала одним большим военным лагерем»⁵.

1.2. Проблема меньшинств: Судеты – «исключительный случай»

Во Франции предпочитали надеяться, что Чехословакия, вернее, Судеты, представляют особый случай, поскольку речь идёт о воссоединении немцев, и вписывали эту политику в логику аншлюса Австрии. Боннэ стремился избежать любых аналогий с решением проблемы судетских немцев в отношении судьбы остальных меньшинств Восточной Европы. Ещё в сентябре 1938 г. Ж.Боннэ в разговоре с польским послом Лукашевичем в связи с польскими требованиями относительно прав польского меньшинства в Чехословакии (в Тешине) разъяснял, «насколько этот демарш был неуместным в момент начала переговоров между Лондоном, Парижем и Берлином по урегулированию статуса судетского меньшинства, поскольку многочисленность судетских немцев делала этот случай совершенно исключительным». Боннэ предостерег Варшаву от желания соучаствовать в разделе Чехословакии и напомнил польскому послу о франко-польском союзном договоре и о том, что все мирные народы должны объединиться против гегемонистских устремлений Германии, иначе та не замедлит воспользоваться их разногласиями. Французский министр считал, что *«интерес Польши состоял, следовательно, в том, чтобы остаться вне этого спора (о правах меньшинств – Е.О.), который, если разрастётся, грозит опасными осложнениями для мира в Европе»*⁶.

1.3. Французские гарантии Восточной Европе: преимущество или осложнение?

После Мюнхена, с 30 сент. 1938 Франция вслед за Англией верят в политику собственных гарантий малым странам как в сдерживающий Германию фактор. В Мюнхенском соглашении предпочитают видеть

⁵ DDF, t.XI, N241.

⁶ DDF, t.XI, N 242 (20.09.38).

подчинение Гитлера авторитету международного сообщества (что-то вроде мюнхенской «директории»), с согласия которого и под гарантией которого будут отныне вершиться международные дела. Но очень скоро стало очевидным, что французская дипломатия вследствие Мюнхена оказывается ослабленной, теряя влияние в Восточной Европе.

Отношение к Польше – этой «любимой кухне» Франции, у французской дипломатии в тот момент двойственное, и эта двойственность имеет результатом охлаждение франко-польских отношений. С одной стороны, Франция недовольна политикой министра иностранных дел Польши Бека. Тот действует в пользу польско-германского сближения и не скрывает намерений воспользоваться разделом Чехословакии для территориальных приращений в пользу Польши. Э.Эррио, критикуя стремление Польши участвовать в разделе Чехословакии, сказал, что Польша выступает в роли *«младшего ассистента при старшем палаче»*⁷. С другой стороны, логика Мюнхена, кажется, ведёт к стремлению освободиться от обязательств в отношении восточноевропейских стран.

Именно так оценивала в декабре позицию Франции советская дипломатия. В справке, направленной послом Сурицем в Москву, содержится анализ «мюнхенского» курса правительства Даладье. Отмечая, что *«Франция слаба и утратила своё прежнее гегемонное (так в документе – Е.О.) положение в Европе, ...растеряла большую часть своих союзников»* и *видит в СССР союзника «ненадёжного и опасного»*, Суриц приписывает французскому правительству стремление *«пересмотреть все свои старые обязательства и договоры, заключённые при иной обстановке и ином соотношении сил в Европе»*. Такие сомнения особенно часто возникали вокруг двух договоров: договор с СССР и договор с Польшей. Суриц считал, что они в тот момент являлись *«отягчающей ипотекой, способной*

⁷ Слова Эррио приведены совпослом Сурицем в письме к наркоминдел М.М.Литвинову 27.12.38: АВП РФ, ф.0136, оп. 22, пап. 172, д.№865, л. 105.

осложнить её взаимоотношения с ...Германией и вовлечь её в ...опасные военные конфликты.

Договор с СССР был заключён значительно позже, чем с Польшей, когда германская угроза уже стала заметно вырисовываться. С этим договором связывались надежды, что вокруг него сможет образоваться новая защитная линия...против германской агрессии на Востоке. Эти надежды из-за занятой Польшей позиции не оправдались...Прежняя Чехословакия больше не существует и не может быть использована как плацдарм для воздушной атаки против Германии». Польша выступает как очередная жертва германской политики. Чтобы не быть из-за Польши втянутой в историю типа Мюнхена, Боннэ «воспылал священным гневом против (поляков) и стремится заморозить пакт с Польшей, как он уже заморозил пакт с СССР»⁸.

2. Определённость цели: избежать столкновения с Германией

2.1. Осознание угрозы и недостаток внешнеполитического могущества

Положение Франции тем тревожнее, что она опасалась «расползания» испанского конфликта с участием Италии у её пиренейской границы. Поэтому она предпочитает признание Франко продолжению гражданской войны, а позже стремится через Петэна добиться нейтральной позиции от Франко. Политика Муссолини на южной границе, в Средиземноморье и в Африке внушает Парижу в тот период не меньшие опасения, чем политика Гитлера, который неустанно заверял в отсутствии у него территориальных претензий к Франции.

Если предположить, что Мюнхен имел целью отсрочить военное столкновение с Германией, предоставив англо-французским союзникам возможность нагнать их военное отставание от Германии, то приходится признать, что результат получился противоположным: присоединение новых (чехословацких) территорий с многочисленным населением и развитой инфраструктурой и экономикой усилило потенциал Германии. Французские

⁸ АВР РФ, ф.0136, оп. 22, пап. 172, д.№865, л. 103-108.

военные сознавали, что вследствие Мюнхена военное положение Франции серьёзно изменилось к худшему. *«Чехословакия больше не в состоянии предоставить нам какую-либо помощь в Центральной Европе; новое государство, без естественных границ, у которого отняли часть его промышленности, может существовать теперь только в орбите Германии. Поведение чешских офицеров на заседаниях военной подкомиссии в этом смысле показательно. Со второго дня мы констатировали, что они избегали...прибегать к арбитражу Франции, Великобритании и Италии и предпочитали обсуждать все спорные вопросы напрямую с немцами».* Такая перемена поразила английского военного атташе, и он сказал своему французскому коллеге: *«Смотрите, эти люди работают уже, как союзники»*⁹.

Франция, ослабленная кризисом и парализованная внутривластными разногласиями между бывшими партнёрами по Народному фронту и социальными выступлениями, не смогла противопоставить германскому рывку в области вооружений адекватного прорыва в перевооружении и в плане моральной готовности к войне. Французский военный атташе в Берлине был впечатлён возможными размерами наступательных сил, которые немецкое командование предполагает задействовать в случае войны на западе, и *«теми жертвами, на которые оно готово пойти, чтобы обеспечить своему наступлению решающий результат».* Через три недели после Мюнхена он призывает *«извлечь из этого должны выводы, особенно после событий, в которых перевес военно-воздушных сил Рейха над силами Франции и Великобритании был одним из главных факторов нашего морального поражения и потери наших позиций в Центральной Европе»*¹⁰.

Кроме того, общество не было готово воевать за восточных союзников. Внешнеполитическая стратегия Франции, направленная на защиту

⁹ DDF , t.XII , N 196, p. 339 (20.10.38).

¹⁰ DDF , t.XII , N 196, p. 339 (20.10.38).

союзников от германской агрессии, т.е. на наступательные действия в случае конфликта, противоречила её оборонительной военной стратегии¹¹.

Проведённый Французским Генеральным штабом анализ военных приготовлений Германии (в конце 1938 г.) соответствовал, прежде всего, настроениям французских военных и политиков, и в меньшей степени реальному положению. Сообщая, что Германия предпринимала в последнее время *«неустанные и дотоле невиданные»* военные усилия, Генеральный штаб сделал несколько важных выводов. Во-первых, эти усилия явно наступательные. Во-вторых, хотя затруднительно было точно определить возможное направление главного удара, там полагали, что на французской границе германские силы являлись, главным образом, оборонительными. *«На востоке Германии, наоборот, все признаки свидетельствуют, что германские военные усилия продолжатся в Центральной и Восточной Европе. Некоторые уточняют, что именно Украина является их целью»*¹². Это сообщение вызвало скорее облегчение, чем опасение, что придётся соответствовать обязательствам по франко-советскому пакту 1935 г.

2.2. Неопределённость тактики: «бумажный» пакт с СССР

Франко-советский пакт оставался в значительной степени бумажным, отношения с СССР натянутыми, и выполнение военно-технических поставок Франции в СССР постоянно находилось под угрозой срыва. *«Изменение климата в Париже» - «преклонение перед германской мощью и охлаждение к советскому посольству»*¹³ - его глава Суриц заметил ещё в июле 1938 г., возвратившись из отпуска.

В то же время, в Париже отдавали себе отчёт в том, что чехословацкий кризис, принципиально изменил позицию СССР. Посол Франции в Москве Кулондр не сомневался в искреннем желании СССР сохранить целостность чехословацкой территории, поскольку это являлось залогом его собственной безопасности. Бездействие Лиги Наций «открыло глаза» советскому

¹¹ Renouvin P. Histoire des relations internationales. T. III. – Paris : Hachette, 1994, p. 713.

¹² DDF, t.XI, N 461, p. 887.

¹³ АВП РФ, ф.0136, оп. 22, пап. 172, д.№865, л.148 (07.07.1938).

правительству, его упорные, но бесплодные попытки внести чехословацкий вопрос в повестку заседаний и действия Англии и Франции в обход Лиги Наций и в небрежение пактом со стороны Франции, по мнению Кулондра, заставили Москву действовать в одиночку. С другой стороны, усилилась германская угроза, *«к которой, как казалось, причастны и западные державы. Она удваивалась польским соучастием. Для СССР было в тот момент неуместно из тактических соображений подчинять свои действия политике других держав. ...Таким образом, в течение сентября можно констатировать эволюцию советской политики в сторону автономии»*. Доказательством явилась резкая реакция на польскую угрозу Чехословакии¹⁴. Кулондр предупреждал об опасном направлении эволюции советской позиции *«после падения чешского бастиона»*: *«...не захотят ли Советы, чтобы предотвратить германскую экспансию с юго-запада в направлении Украины, ... в стремлении отвести эту угрозу от наиболее опасного для себя направления, подставить Польшу, чтобы, открыв по своей инициативе польский вопрос, стать соучастником её раздела?»*¹⁵.

В свою очередь, СССР считал, что «мюнхенцы» стремятся к соглашению с Гитлером и не верил, что Францию интересовали какие-либо обязывающие комбинации (взаимные гарантии, пакты безопасности) на востоке. Литвинов писал Сурицу в начале декабря 1938 г.: *«Боннэ стремится совершенно освободиться от всяких обязательств и необходимости вмешательства на востоке и юго-востоке Европы, и отношение его к французо-польскому пакту такое же, как и к франко-советскому, т.е. как к документам, фактически недействительным. Это вытекает, очевидно, из концепции, которую усвоил Чемберлен, как будто ближайшей задачей Гитлера является наступление на советскую Украину»*¹⁶. Эти суждения подкреплены полученным от информатора пересказом слов французского посла в Берлине

¹⁴ 23 сентября в виду концентрации польских сил на границе Чехословакии и польского ультиматума, СССР предупредил Польшу, что советско-польский пакт будет разорван, если польские войска нападут на Чехословакию. При этом СССР больше не ссылался на статью 11 Лиги Наций. Согласие Чехословакии на польский ультиматум Потёмкин «с горечью» назвал «новой капитуляцией».

¹⁵ DDF, t.XII, N 20, p. 39-40.

¹⁶ АВП РФ, ф.0136, оп. 22, пап. 172, д.№865, л. 8.

Франсуа-Понсе: *«Я по-прежнему считаю, что мы устроили дело таким образом, чтобы иметь все неприятности от союза с СССР без каких-либо преимуществ»*¹⁷.

Франсуа-Понсэ в Москве считали «капитулянтом», одержимым страхом перед германской и итальянской мощью. Литвинов писал советскому послу в Париже Сурицу (11.04.39): *«Франсуа-Понсе (тогда уже посол в Риме) ведёт ту же тактику из Рима, как раньше из Берлина. Стремясь к скорейшему соглашению с Италией, он в своих донесениях запугивает французское правительство, преувеличивая, конечно, итальянские военные приготовления»*¹⁸. В действительности записки Франсуа-Понсе свидетельствуют, что его впечатляли германская мощь и воинственный националистический дух, который Гитлеру удалось пробудить в немецком народе, но ещё больше неустойчивость психики диктатора, которого он считал способным на любые, даже гибельные для него самого и Германии авантюры.

Посол Франции в СССР Кулондр, покидая Москву перед тем, как сменить Франсуа-Понсе в Берлине, писал о причинах такого положения, при котором пакт с СССР оказался для французской дипломатии скорее недостатком, чем преимуществом и предсказал опасность разворота Москвы в пользу соглашения с Гитлером. Ключевое значение здесь имела Польша.

2.3. Трагическое противоречие польско-советских интересов для системы восточных союзов Франции

Передавая свой прощальный разговор с Литвиновым, Кулондр указал на два сценария последующего развития событий, которые рассматривали в Москве. Когда Рейх прочно установит свою гегемонию в Европе и Франция будет нейтрализована, он может напасть или на Британскую империю, или на СССР. Анализируя эвентуальное направление германского удара, Кулондр

¹⁷ АВП РФ, ф.0136, оп. 22, пап. 174, д.№897, л. 61 (05.03.1938): *«Je persiste à croire que nous nous sommes arrangés de façon à avoir tous les inconvénients d'une alliance avec elle (la Russie – E.O.) sans aucun des avantages».*

¹⁸ АВП РФ, ф.0136, оп. 22, пап. 176, д.№ 912, л.20.

считал, что *«любая гипотеза по поводу германской экспансии на восток поразительным образом ставит Польшу и Россию в противоположные лагеря. Можно ли разорвать этот порочный круг? Ни одна страна не заинтересована в этом так, как Франция. Вообще, на этот вопрос охотно отвечают негативно, упирая на непреодолимую враждебность..., которую испытывает Польша к своему большому славянскому соседу, и это психологическое препятствие кажется трудно устранимым. Вместе с тем, надо заметить, что это убеждение утвердилось сегодня в гораздо большей степени, чем 10 лет назад и что эволюция польской политики тяготеет главным образом к развалу системы безопасности, установленной договорами».*

Французский дипломат соглашался с тем, что, как и другие капиталистические страны, Польша могла опасаться социальной пропаганды большевиков, но она прекрасно знала, что в данный момент ей нечего опасаться территориальных захватов со стороны СССР, инертного и к тому же ослабленного крайностями своего диктаторского режима. СССР, наоборот, по сей день заинтересован в сохранении Польши, как буферного государства, которое для России является тем же, чем Бельгия для Франции. Но если Польша рассчитывает, договорившись с Германией, использовать её как сообщника, а СССР, со своей стороны, захочет сделать то же самое, то и СССР и Польша, не видя никакой иной поддержки и опасаясь удара со стороны Германии, будут стремиться направить этот удар друг на друга. *«Следует признать, - продолжал посол, - что именно слабость западных демократий восстанавливает друг против друга Польшу и Россию, заставляя каждую действовать в угоду Германии, в то время как, в конечном счёте, у той и у другой нет иного врага, другого потенциального захватчика, кроме Германии¹⁹».* Далее посол «с прискорбием» констатировал, что в настоящих условиях франко-советский договор *«потерял всякий смысл и ничего нам не даёт, кроме осложнений... Он нас*

¹⁹ DDF - Documents diplomatiques français . Т . XII, p. 277-278 (18.10.1938).

больше не гарантирует ни против соглашения СССР с Германией, ни против оживления деятельности Коминтерна во Франции. Если его не усилить английским участием, с одной стороны, и, с другой стороны, соглашением с Польшей, эта связь станет лишь препятствием, о которое мы, в конце концов, споткнёмся»²⁰.

В советском посольстве в Париже знали об этих настроениях. В ноябре 1938 г. Суриц пишет Литвинову, что Даладьё и Боннэ «не останутся перед денонсированием франко-советского пакта, если в это требование упрутся переговоры (с Германией) и если такой ценой можно будет купить соглашение с Германией»²¹.

Действительно, в период между Мюнхеном и гитлеровской оккупацией всей Чехословакии Франция стремилась, дистанцировавшись от своих обязательств в отношении Восточной Европы, получить, пусть временно, гарантии от Гитлера.

2.4. Франко-германская декларация 6 декабря 1938 г.- спорная гарантия

Следует согласиться с тем, что для гарантии собственной безопасности французская дипломатия после Мюнхена и до оккупации Гитлером всей территории Чехословакии, стремилась положиться на двусторонние декларации и соглашения с Германией. Посол Франции в Берлине Франсуа-Понсэ, передавая содержание разговоров Гитлера с английской делегацией, указывал, что «*фюрер формально заверил, что у него нет ни малейшего желания нападать на нашу страну...Если Франция нападёт на Германию, тогда, разумеется, фюрер начнёт против неё войну; но он всячески будет стараться избежать, чтобы Германия выступила в роли агрессора*»²². Обеспокоенная англо-германской декларацией 30 сентября, которая потенциально могла оставить Францию один на один с

²⁰ DDF, T. XII, p. 279.

²¹ АВП РФ, ф.0136, оп. 22, пап. 172, д.№865, л. 114 (11.11.1938).

²² DDF, t.XI, N 387.

Германией, дипломатия Боннэ добилась подписания аналогичной франко-германской декларации (6 декабря 1938 г.).

Она стала логическим продолжением Мюнхена. Франция боялась, что она будет исключена из складывающейся в новой европейской ситуации «директории» держав с обязательным участием Германии и не определённым пока составом прочих участников. Германские предложения по тексту Декларации были отправлены французскому правительству 5 ноября 1938 г.. Уже на следующий день после их получения от посла Германии в Париже, Боннэ отвечает согласием, настаивая лишь на том, чтобы в п.3 о взаимных консультациях были внесены поправки с тем, чтобы сделать его идентичным англо-германской декларации²³.

В справке Политической дирекции МИД Франции указаны в качестве действующих консультативных пактов с Германией два документа. Первый – советско-германский консультативный пакт (Рапалло) от 1922 года; второй – англо-германская декларация 30 сентября 1930 г., вызвавшая в своё время болезненную реакцию во Франции. Чемберлену пришлось в оправдание сказать, что её текст был предложен английской делегации перед самым отъездом, так что у него не было времени на консультации с французской стороной²⁴. Вместе с тем, Великобритания связана консультативным соглашением с Францией, заключённым в Лозанне 13 июля 1932. Благодаря этому соглашению французское правительство должно быть информировано о германо-британских консультациях, основанных на декларации Гитлера-Чемберлена. Несмотря на то, что франко-британское соглашение было названо «доверительным», Париж опасался, что Лондон будет стремиться к односторонним преимуществам в соглашениях с Берлином, как это было в Мюнхене. Поэтому французский МИД советовал своей делегации держаться при обсуждении текста франко-германской декларации в рамках, предусмотренных англо-германской декларацией, чтобы какими-либо

²³ DDF, T. XII, p. 397.

²⁴ DDF, T. XI, №. 490. Entretien Corbin-Galifax sur la récente déclaration anglo-allemande, le 1er octobre 1938.

особыми договорённостями не вызвать у Англии желания пойти ещё дальше в придании своему согласию с Берлином более исключительного характера» (de donner à son entente avec Berlin un caractère plus exclusif)²⁵. Возможная трёхсторонняя англо-франко-германская комбинация казалась Парижу нежелательной, поскольку тогда возникал бы вопрос о её расширении, например, на постоянной основе (на Италию, СССР) или на второстепенные государства, в зависимости от обсуждаемых вопросов.

Точно так же отвергалась идея заключения с Германией пакта о ненападении. Это означало бы, что правительство Франции пересматривает свои договоры с Польшей и СССР, не говоря уже о Чехословакии. Кроме того, под вопрос ставились взаимные англо-французские гарантии. *«Очевидно, что было бы опасно компрометировать эту систему из одного желания получить простое обещание воздерживаться от агрессии, уже данное Франции Германией в Локарно, и от которого она отказалась»*²⁶.

В МИД считали, что Декларация *«не внесёт никакого нового элемента в безопасность (Франции), но будет, тем не менее, иметь реальную психологическую ценность»*. С точки зрения безопасности было бы лучше возобновить между Парижем, Берлином и Лондоном прерванные два года назад переговоры по Западному пакту, призванному заменить договор Локарно. В таком случае предварительно необходимо было уточнить позицию по договорам с СССР и с Польшей.

Во время англо-французских консультаций перед подписанием франко-германской декларации, в конце ноября 1938 г., Чемберлен поинтересовался, что станет делать Франция, если оправдаются слухи о готовящемся Германией отторжении Украины от СССР с целью создания независимого украинского государства. Франция, связанная одновременно и пактом с СССР и франко-германской декларацией могла бы тогда оказаться в сложном положении. Одновременно ставился и вопрос о франко-польских

²⁵ DDF, Т. XII, №. 29, p. 50.

²⁶ DDF, Т. XII, №. 29, p. 52.

отношениях. Признавая возможность роста националистического движения на Украине, косвенным доказательством которого Боннэ считал опубликованные в Москве материалы процесса против «врагов народа»²⁷, французский министр уточнил, что его страна обязалась вмешаться в случае прямого нападения со стороны *сопредельного* государства. Даже в этом случае (что трудно себе представить, поскольку у Германии нет общей границы с СССР) вмешательство Франции возможно только: 1° после единогласного решения Совета Безопасности Лиги Наций; 2° в отсутствие этого единогласия, после консультаций с государствами-гарантами Локарно, что полностью удовлетворило Чемберлена, поскольку означало, что без его согласия Франция не выступит в поддержку СССР.

В инструкции министра к франко-германским переговорам о декларации содержится предупреждение против неосторожных гарантий чехословацких границ, по крайней мере, до тех пор, пока не будет окончательно определена, после консультаций с Прагой, франко-британская позиция²⁸. Впрочем, уже тогда было понятно, что Франция уже потому не должна сохранять свои гарантии, предусмотренные франко-чехословацким договором, что границ тех уже не существует. Кроме того, Франция явно не могла больше рассчитывать на ответные гарантии со стороны Чехословакии, что нарушало т.е. взаимный характер договоров от 25 января 1924 и 16 октября 1925 гг. и делало их недействительными в глазах экспертов французского МИД²⁹.

Что касается Польши, то записка заместителя Директора политического департамента от 5 октября свидетельствует о настроениях французского МИД после Мюнхена: *«Предметом пересмотра должны стать скорее политические и военные соглашения, которые связывают нас с Польшей. Таким образом, мы сохраним чисто экономическую и финансовую форму отношений, несравненно более эффективную и менее опасную, чем та,*

²⁷ В марте 1938 г.

²⁸ DDF, Т. XIII, №. 35, р. 57 (5.12.1938).

²⁹ Справка Генерального секретариата МИД Франции 19 ноября 1938: DDF, Т. XII, №. 334, р. 647.

которую мы подтверждали до сих пор. Тем самым, мы гармонизируем её с политикой британского правительства»³⁰.

Данцигский вопрос тогда ещё не стоял со всей остротой, но эвентуальный сценарий отторжения Украины, который доводил до сведения своего министра французский поверенный в делах в Берлине де Монба (de Montbas), подразумевал, что Гитлер предложит Польше что-то вроде кондоминиума над Украиной. Тот же источник сообщал, что впоследствии Польшу предполагается устранить из этой конструкции или путём переговоров, «или силой, если она заупрямится»³¹.

Французские дипломаты опасались, что со стороны Гитлера декларация являлась тактическим ходом, возможно, имевшим целью постепенно разделить Францию и Великобританию. Но для них было важно, что декларация содержала признание франко-германской границы окончательной, заявляла об отсутствии между двумя государствами каких-либо территориальных споров, а также предусматривала взаимные консультации в случае международных осложнений³². В Париже предпочитали думать, что Гитлеру невыгодно «ссориться с (Францией) и он, наоборот, стремится прикрыться с запада, чтобы в наилучших условиях развивать свою экспансию на восток»³³.

Декларация усилила антимюнхенские настроения и подозрительность в отношении Франции в Москве. Литвинов не верил англо-французским заявлениям о том, что они не намерены исключать СССР из разрешения европейских вопросов: *«Им незачем иметь такие намерения..., ибо решать будут не они, а Гитлер. Как Чемберлен, так и Даладье-Боннэ, ради соглашения с Германией и Италией пойдут на что угодно. Им, конечно, невыгодно теперь же рвать с нами, ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином. Обратятся они к нам только в том случае, если не*

³⁰ DDF, T. XII, №. 30, p. 55.

³¹ DDF, T. XIII, №. 44, (06.12.1938).

³² DDF, T. XIII, №. 45.

³³ DDF, T. XII, №. 385, p. 752 (de Coulondre à Bonnet, 24.11.1938).

*вытанцуется соглашение с Берлином и последний предъявит требования, даже для них неприемлемые».*³⁴

3. Поворот от умиротворения к сдерживанию: строительство системы союзов

3.1. Выстраивание системы гарантий на западе Европы

Для французской дипломатии франко-германская декларация была не более чем отсрочкой, позволявшей восстановить дипломатический и военный баланс в Европе. В переписке с министром посол в Берлине Кулондр указывал: *«Сотрудничество Франции с Германией может быть благом для обеих стран и нести мир Европе, но оно желательно и даже возможно только если мы будем сильными. Если же Франция не хочет изнурять себя, упорно и дисциплинированно трудиться, то она должна будет не только отказаться от своего влияния в Европе. Нет такого договора, который гарантировал её и её империю от посягательств со стороны Германии»*³⁵.

После Мюнхена для Франции наступило состояние тревожного ожидания, и главным стал вопрос об источнике и направлении следующего удара. Рассматривались несколько вариантов: продвижение Германии на Восток; нейтрализация Франции (здесь Германия и Италия были одинаково опасны, особенно пока не закончилась война в Испании, в которой были задействованы и немцы и итальянцы)³⁶; экспансия Германии на Восток (в направлении Польши, для возвращения Гданьска, возможно, Украины), экспансия Италии в Средиземноморье и колониальная экспансия Германии и Италии против английских и французских владений.

В виду возможной войны с Германией и Италией, Франция и Англия договорились об организации франко-британского военного

³⁴ АВП РФ, ф.0136, оп. 22, пап. 172, д.№865. (Письмо Литвинова Сурицу 19.10.38).

³⁵ DDF, T. XII, №. 385, p. 753.

³⁶ 24 февраля 1939 г., после голосования в Национальном Собрании, Франция и Англия одновременно признают правительство Франко. Таким образом, Франция обеспечивает себе стабильность на испанской границе.

сотрудничества³⁷. Правительство Его Величества предоставило гарантии безопасности Франции, заверив Боннэ через своего посла 13 февраля 1939 г.: *«Всякая угроза жизненным интересам Франции немедленно должна вызвать совместные действия с Англией»*³⁸.

В феврале 1939 г. американский источник предупредил о возможности начала германской агрессии на Западе, в отношении Нидерландов. Франция и Англия пришли к согласию в том, что они будут расценивать возможное нападение на соседей Франции – Бельгию, Нидерланды и Швейцарию, как *casus belli*³⁹. Однако Бельгия отказалась от франко-британских гарантий и от участия в франко-британском плане организации коллективной обороны на Западе, заявив о желании сохранять свой нейтралитет⁴⁰.

Ещё одним ударом по англо-французскому плану создания системы гарантий был категорический отказ Гитлера в ответ на запрос Англии и Франции (28 февраля 1939 г.) предоставить гарантии чехословацких границ⁴¹. Можно было предположить, что ближайшие события должны были разыграться на востоке Европы, и расстановка сил в этом регионе внушала тревогу французской дипломатии.

3.2. Между Германией и Францией: опасные колебания восточных союзников

Было очевидно, что после чехословацкого кризиса система восточных союзов поставлена под вопрос. В выступлении Сталина на ХУШ Съезде ВКП(б) 10 марта прозвучали слова, косвенно адресованные англо-французской дипломатии: *«Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликт нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»*⁴².

³⁷ DDF, Т. XIV, №30 (03.02.1939).

³⁸ DDF, Т. XIV, №106 (13.02.1939).

³⁹ DDF, Т. XIV, №5.

⁴⁰ DDF, Т. XIV, № 293, 303 (09.03, 11.03 1939).

⁴¹ DDF, Т. XIV, № 29 (письмо посла Кулондра министру Боннэ 03.02.1939). Согласно приложению 1 Мюнхенского соглашения, «После урегулирования проблем польского и венгерского меньшинств, Германия и Италия, со своей стороны, дадут гарантии Чехословакии». См.: DDF, т. XI, р. 715).

⁴² АВП РФ, ф.06, оп. 1-а, пап. 25, д.№1, л. 1.

Польша не желала противодействовать перекройке версальских границ своих соседей. Она выступала за независимость Словакии, хотела бы обсудить с Риббентропом новый раздел чехословацкого государства и улучшить отношения с Румынией, которая больше не возражала против общей польско-венгерской границы⁴³. Не отказываясь от развития, прежде всего, экономических отношений с западными демократиями, восточноевропейские и балканские страны (Румыния, Болгария, Греция) хорошо встретили английскую и французскую экономические миссии, но результаты переговоров оказались незначительными. Венгрия, не отказываясь от сотрудничества с Западом, заявляла о верности державам оси. Балканская конференция 20-22 февраля 1939 г., высказавшись против пересмотра границ и пригласив Болгарию присоединиться к Антанте, была лишь шагом к созданию балканского пакта, и его судьба была далеко не безусловной. Ориентация ключевых игроков на востоке Европы в возможном конфликте с державами оси не была окончательно определена.

Очередной посол Франции в Москве Нажиар был одним из сторонников реанимации системы восточноевропейских союзов Франции. Находясь в Москве, он был обеспокоен, так же как его предшественник Кулондр, перспективой разворота СССР к Германии. В связи с появлением в газете «Temps» 16 февраля 1939 г. статьи, в которой было высказано сомнение в действенности франко-советского пакта 1935 г., он настаивал, чтобы Боннэ твёрдо заявил советскому послу, что для него пакт полностью действителен: *«Вследствие разочарования, вызванного политикой коллективной безопасности, СССР прилагает усилия, чтобы создать восточную систему безопасности, автономную и способную его прикрыть с Запада. От западных держав зависит, организуется ли эта система в пользу или в ущерб им. Гармонизация интересов России и её западных соседей представляет для Франции преимущество только в том случае, если мы к ней политически присоединимся, чтобы не создать у восточных стран – из*

⁴³ DDF, T. XIV, №276 (07.03.1939).

безразличия в проблемам Востока и Центра Европы или из-за слабости перед лицом Италии – впечатления, что у них нет иного выхода... кроме как договориться с Рейхом, что освободит его для предприятий на Западе»⁴⁴.

Весной 1939 г. становится всё более очевидным, что мюнхенская политика не принесла Франции желаемого и что никакого солидарного отпора Гитлеру на западе Европы ожидать не приходится. Для сдерживания Германии Франции оставалось вернуться к стратегии её «окружения» в опоре на восточные пакты.

3.3. От франко-советского к англо-франко-советскому гарантийному пакту

15 марта 1939 г. Богемия и Моравия стали протекторатами Рейха, и немцы вступили в Прагу. С одной стороны, стало понятным, что Гитлера интересовали не только «исконно немецкие», но и славянские земли, с другой стороны, Лондон и Париж, казалось, могли утешаться мыслью, что агрессивные устремления Германии идут на Восток. Французское правительство, вслед за Англией, решило воздерживаться от резких действий, но упрекало Германию за то, что она не прибегла к взаимной консультации, предусмотренной франко-германской декларацией 6 декабря 1938 г. Англия не предприняла никакой дипломатической акции в Берлине и вместе с Францией ограничилась приостановкой экономического сотрудничества с Германией⁴⁵.

«Начинается, как будто, какой-то решительный перелом в политике Англии и слепо следующей за ней Франции», - докладывал в Москву посол Суриц⁴⁶. Отрезвление наступило в том смысле, что в Париже не сомневались в агрессивных планах Гитлера и не верили больше в возможность умиротворения. Гитлера начали бояться больше, чем Муссолини. Особенно выросло беспокойство после 26 марта, в связи с угрозой Данцигу и твёрдой

⁴⁴ DDF, T. XIV, № 152 (20.02.1939). Подчёркнуто мной – Е.О.

⁴⁵ DDF, T. XIV, № 345 (20.02.1939).

⁴⁶ АВП РФ, ф.0136, оп. 23, пап. 176, д.№913, л. 42.

позицией Польши, заявившей о готовности защищать свои права. В начале апреля визит Бека в Лондон свидетельствовал о переориентации Польши с Германии на Францию и Англию. Но этот поворот уже не радовал: в сложившихся обстоятельствах он усиливал угрозу франко-германского столкновения, поскольку потребовал от Франции выполнения её обязательств.

Только теперь Боннэ внял настойчивым советам своих послов в Москве относительно реанимации восточных пактов Франции и проявил большую политическую волю, направленную на строительство общеевропейской системы гарантийных пактов, «опоясывающей» агрессивные державы, прежде всего, Германию. Эта система должна была сдерживать Германию и Италию, отвращая их от агрессии, которая в силу франко-английских гарантий Польше могла привести к общеевропейской войне.

Хотя эта политика называлась, как и после Мюнхена, «политикой гарантий», её содержание изменилось. По сути, Франция возвратилась к системе союзов кануна первой мировой войны, стремясь приобщить к ней максимальное число сторонников. Боннэ удалось добиться соглашения с Турцией, подкреплённого военной конвенцией. При этом французский посол в Анкаре Массигли жаловался Боннэ на досадные задержки в переговорах по политическому соглашению по вине Лондона⁴⁷. Польско-французский альянс 1921 г. ещё действовал, но Франция считала необходимым уточнить взаимные обязательства. 21 марта польский представитель в Париже заявляет о готовности Польши выполнить все обязательства в отношении Франции.

Сложнее дело обстояло с франко-советским пактом, который Париж стремился реанимировать, и в теснейшем сотрудничестве с Лондоном. Настало время вспомнить о позиции СССР в момент чехословацкого кризиса, в сентябре 1938 г. Никаких конфиденциальных разговоров между Боннэ и Сурицем в то время не велось, что свидетельствует о формальном характере обращения Франции к СССР. Но в ответ на запрос французского

⁴⁷ DDF, T.XVII, № 427.

правительства о позиции СССР в случае германского нападения на Чехословакию Москва заявила, что она намерена выполнить все свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии и что *«военное ведомство СССР готово немедленно принять участие в совещании представителей французских и чехословацких военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом»*⁴⁸. Выше говорилось о том, насколько французское правительство было в тот момент не заинтересовано в том, чтобы задействовать франко-советскую ось безопасности.

В то время как Лондон не отказался от политики умиротворения вплоть до августа 1939 г., после 15 марта Франция осознала, что умиротворить Германию ценой новых политических соглашений типа мюнхенского вряд ли удастся. 1 апреля 1939 г. Боннэ просил Сурица запросить, какой будет позиция СССР, если Германия нападёт на Польшу и Румынию. Литвинов в польском вопросе не доверял французскому министру: *«Если англичане только ссылаются на антисоветскую позицию Польши, то Боннэ, вероятно, эту позицию укрепляет, действуя заодно с Беком»*⁴⁹. Действительно, внутреннее положение Боннэ отличалось от положения Чемберлена, он постоянно был под обстрелом коммунистической оппозиции – бывших союзников-соперников по Народному Фронту, превратившихся в заклятых врагов. Коммунистическая угроза для него, так же как для Польши, имела не только международное, но и внутривластное измерение.

Через несколько дней Суриц узнал, что на заседании французского кабинета 5 апреля Боннэ, после согласований с Лондоном, предложил начать консультации с Москвой по трём направлениям:

1) реактивация франко- советского пакта и его пересмотр, поскольку в новых условиях им должны гарантироваться Польша и Румыния в случае нападения

⁴⁸ АВП РФ, ф.0136, оп. 22, пап. 174, д.№897, л. 12.

⁴⁹ АВП РФ, ф.0136, оп. 22, пап. 176, д.№ 912, л.22.

на них Германии и выполнения Францией её союзнических обязательств в отношении этих стран;

2) заключение соглашения Англии, Франции, СССР и Польши о совместных мерах противодействия Германии;

3) заключение пакта взаимопомощи между Польшей, Румынией и СССР.

Система была основана на исторически проверенной стратегии «окружения» Германии. О невозможности противостоять Германии в отсутствие советско-польского соглашения ещё 18 октября 1938 г. писал министру Боннэ посол Франции в Москве, а потом в Берлине Кулондр. Он задавался вопросом: *«в случае, если проводимая ныне политика окажется неэффективной и если потерпят провал все попытки общеевропейского урегулирования, смогут ли Франция и Англия, вынужденные создавать оборонительную систему союзов для сдерживания германской агрессии, подтолкнуть Польшу к более правильному пониманию её жизненных интересов и, во имя союза с западными державами и под страхом изоляции, которая оставит её на милость Германии, заставить её пойти на военный союз с Советами?»*⁵⁰. В министерстве тогда этому предупреждению не вняли и не вели серьёзных разговоров с Польшей в пользу военных польско-советских договорённостей вплоть до середины августа 1939 г.

7 апреля Боннэ в разговоре с советским послом Сурицем «в туманных выражениях» коснулся всех вышеперечисленных возможностей, но не сделал никаких официальных предложений. Докладывая о французских демаршах в Москву, Суриц предупреждал: *«По-видимому, Боннэ хочет, чтобы мы взяли на себя обязательство по отношению к Польше и Румынии и приняли на себя главный удар со стороны Германии»*⁵¹. Только на следующий день французский министр попросил передать в Москву, что он считает желательным немедленное начало переговоров с СССР, чтобы выяснить меры в случае нападения Германии на Румынию и Польшу. Суриц

⁵⁰ ДДФ, т. XII, № 164, с. 278.

⁵¹ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№6, л.10.

прокомментировал: *«Учитывая нежелание Польши присоединиться к общему пакту, Боннэ предлагает, по-видимому, вариант №1»*⁵².

Консультации Боннэ с советским послом происходили в те апрельские дни чрезвычайно интенсивно, но французской дипломатии не удалось преодолеть недоверие с советской стороны. 10 апреля, в дополнение к предложению от 8 апреля, Боннэ прощупывал возможность заключения двусторонних пактов взаимопомощи между СССР, Польшей и Румынией, заявляя о готовности Франции «хоть сейчас» подписать декларацию трёх держав: Франции, Великобритании и СССР.

11 апреля 1939 г. Литвинов из Москвы направил Сурицу инструкцию: *«Необходимо теперь быть особенно точными и скупыми на слова в переговорах о нашей позиции в связи с современными проблемами...После истории о совместной декларации в разговорах с нами англичан и французов не содержались даже намёки на какое-либо конкретное предложение о каком-либо соглашении с нами...Выясняется желание Англии и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие-то обязывающие нас обещания. Нам говорят, что в наших интересах защита Польши и Румынии против Германии. Но мы наши интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств никакой выгоды для себя?»*⁵³.

4. Затянувшиеся переговоры по англо-франко-советскому пакту: предопределённый провал?

4.1. Первые раунды переговоров: разногласия и взаимное недоверие сторон

14 апреля последовал официальный демарш французской стороны. Боннэ предложил СССР обменяться письмами следующего содержания: *«В случае,*

⁵² АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№,6, л.12. Суриц-Литвинову 25.05.1939 (справка о франко-советских переговорах).

⁵³ Там же, л.17. Подчёркнуто красным в тексте.

если Франция, в результате помощи, которую она окажет Польше или Румынии, будет находиться в состоянии войны с Германией, СССР окажет ей немедленную помощь и поддержку. В случае, если СССР в результате помощи, которую он окажет Польше и Румынии, будет находиться в состоянии войны с Германией, Франция окажет СССР немедленную помощь и поддержку. Оба государства без промедления договорятся об этой помощи и примут все меры для обеспечения её полной эффективности⁵⁴».

Эти письма должны были стать дополнениями к франко-советскому пакту. 15 апреля английский посол Сидс запросил Литвинова, не пожелает ли СССР выступить с публичным заявлением о готовности оказать помощь любому из своих европейских соседей, попросившему его об этой помощи⁵⁵. Пайяр (новый посол Франции в Москве) заявил Потёмкину (замнаркома, курирующему отношения с Западом), что французское правительство присоединяется к этому демаршу, но не снимает собственных предложений.

Передавая французские предложения в Москву, Суриц осторожно и не без оговорок высказался в пользу положительного ответа. Он констатировал изменение отношения французской печати и правительства к СССР: *«Исчезли нападки в печати, ни следа от прежнего высокомерия в разговорах с нами. Говорят с нами скорее языком просителей, ...как люди, в нас, а не мы в них, нуждающиеся. Мне кажется, что это уже не только «манёвры», ... а сознание, ...что война нависла. Мне кажется, что такого взгляда держится сейчас Даладьё. Даладьё (по сообщению наших друзей) искренне сейчас добивается сотрудничества с СССР (в тексте подчёркнуто красным – Е.О.)⁵⁶».*

Однако недоверие к манёврам «классового врага» не покидало советского посла и он предупреждал: *«Эта дипломатическая игра оставляет достаточно места для того, чтобы взвалить и на нас вину за «провал комбинации». В такую ловушку мы можем попасть, если ответим*

⁵⁴ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№5, Справка о франко-советских переговорах по сообщениям Сурица. Подчёркнуто в документе – Е.О.

⁵⁵ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№4, (Беседа Потёмкина с Пайяром 16.04.39).

⁵⁶ АВП РФ, ф.0136, оп. 23, пап. 176, д.№913, л.28 (16.04.1939 Суриц-Литвинову).

немотивированным отказом и на последнее предложение французов. Но, с другой стороны, само предложение представляется мне крайне опасным. Ведь речь по существу идёт о том, чтобы мы приняли на себя тяжелейшие обязательства и без всякой взаимной гарантии. У нас нет никакой уверенности, что во время войны нас не предадут и не ударят нам в тыл (это, видимо, о поляках и румынах – Е.О.?). Мне, поэтому, кажется, что мы должны дать согласие на переговоры, но не идти ни на какие обязательства без встречных гарантий⁵⁷».

Перед отправкой своих предложений Сурицу Боннэ поручил французскому военному атташе Паласу связаться с Наркоматом Обороны. 13 апреля Палас просился на приём к Ворошилову, чтобы поставить перед ним конкретные вопросы, относящиеся к возможностям сотрудничества французского и советского генштабов в случае военного конфликта с Германией, но Ворошилов его не принял, посоветовав адресоваться в НКВД.

Наркомы ждали политического решения Сталина, и с его согласия 17 апреля последовало советское контрпредложение о заключении трёхстороннего советско-англо-французского пакта на 5-10 лет о взаимных обязательствах оказать друг другу *«немедленную всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств»* (п.1). Пункт 2 предусматривал оказание помощи государствам, расположенным на границе СССР от Балтийского до Чёрного морей. Согласно п.3, формы, размеры и методы помощи должны быть предусмотрены в военной конвенции, которая должна быть подписана одновременно с политическим соглашением. Опасаясь сепаратных соглашений между западными демократиями и Германией, советская сторона включила п.6, согласно которому *«Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без*

⁵⁷ АВП РФ, ф.0136, оп. 23, пап. 176, д.№913, л.28-29 (16.04.1939 Суриц-Литвинову). Подчёркнуто мной – Е.О.

*общего всех трёх держав согласия»*⁵⁸. Предполагалось, что пакт должен быть дополнен особым совместным соглашением о взаимной помощи с Турцией.

Отсылая эти предложения в Париж, Литвинов дал послу СССР во Франции Сурицу указания, свидетельствующие о глубоком недоверии к руководителям французской внешней политики, особенно к Боннэ. *«Имея дело с Боннэ, приходится принимать всякие меры предосторожности»*, поэтому желательно было передать точную версию непосредственно Даладьё. При этом нарком не хотел *«создавать впечатление нашей заинтересованности в принятии нашего предложения»*⁵⁹. В свою очередь, Суриц высказал соображение, которое позволяет усомниться в том, что он вообще всерьёз принимал начавшиеся переговоры: *«Учитывая, что советский проект имеет мало шансов быть принятым Чемберленом и Боннэ», он расценивает «его больше как очень интересно задуманный тактический шаг»*⁶⁰. Означало ли это, что уже тогда рассматривалась возможность соглашения с Германией? В переписке наркомата с советским послом в Париже нет на этот счёт никаких намёков.

Англо-франко-советские политические переговоры были осложнены тем обстоятельством, что их участники не собирались за одним столом, что следовало из специфики отношений между англо-французской парой, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой. Это был обмен предложениями через послов, паузы, заполненные долгим ожиданием ответа, согласованием англо-французских позиций. Каждая сторона принимала решения, исходя не только из международных, но и внутривосточных интересов. Ответа на первое советское контрпредложение от 17 апреля пришлось ждать из Парижа – 8 дней, до 25 апреля, а из Лондона – 21 день, до 8 мая.

⁵⁸ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№4, л.28.

⁵⁹ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№6, л.1.

⁶⁰ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№5, л.7. Подчёркнуто мной – Е.О.

Важно также, что переговоры по соглашению проходили в обстановке крайнего взаимного недоверия и взаимных подозрений, отнюдь не беспочвенных, в стремлении договориться с Гитлером. В этом, думается, заключена главная причина их провала. Предполагаемый пакт был вынужденным, продиктованным неотвратимой угрозой столкновения с Германией и кардинальным образом расходился с политическими и личными предпочтениями Боннэ и Даладье, которых в Москве называли «мюнхенцами». В Москве также понимали, что обращение к СССР было резким поворотом в их дипломатии, и не считали этот поворот окончательным. СССР испытывал сильное недоверие и неприязнь к «мюнхенцам», подозревая их в желании столкнуть его с Германией. Советский посол считал главу французской дипломатии Боннэ «главным соглашателем с Гитлером и Муссолини»⁶¹. Он отмечал, что после событий 15 марта (захвата Гитлером Праги) Боннэ следует *«за Чемберленом, который стремится построить барьер против дальнейшего продвижения германской агрессии и готов эту плотину строить даже совместно с СССР»*. Но французский министр иностранных дел *«по примеру прошлогодних сентябрьских дней старается на первый план выпятивать все трудности проекта, позиции Польши, колебаний Румынии и т.д. Можно ли хотя бы на один момент усомниться, что он в глубине души мечтает о скорейшем срыве всей этой английской затеи, перечёркивающей всё, что он делал и над чем трудился в течение своего министерского стажа. Возможно, что Даладье смотрит на всё это иначе, но лишь до первого кивка со стороны Берлина и особенно Рима»*⁶².

В ожидание ответа из Парижа и Лондона, 23 апреля 1939 г. Литвинов размышлял о причинах задержки: *«возможно, опять выжидают очередную речь Гитлера 28 апреля, - авось, опять запахнет миром и можно будет вернуться на мюнхенские позиции. Такой рецидив у Чемберлена и Боннэ*

⁶¹ АВП РФ, ф.0136, оп. 23, пап. 176, д.№913, л.2.4 (26.03.1939 Суриц-Литвинову).

⁶² АВП РФ, ф.0136, оп. 23, пап. 176, д.№913, л.24 (26.03.1939 Суриц-Литвинову).

*отнюдь не считаю исключённым»*⁶³. Советский посол Суриц настолько не доверял Боннэ, что опасался высказаться в пользу действительного соглашения с Францией. *«Сейчас ... дело похоже на то, что весь шум и вся канитель, поднятые вокруг «сотрудничества» с нами, окончится обычным блефом...Боннэ и Чемберлен, которые никогда всерьёз этого «сотрудничества» не желали, будут стараться возложить всю ответственность за провал на нас. Это для них может быть облегчено туманом и тайной, которыми окружены переговоры»*. Суриц жаловался, что в ответ на расспросы о переговорах ему *«приходится вовсю юлить»*. *«Я твёрдо уверен, - добавляет он, - что пока гром по-настоящему не грянет, здесь в Париже никакой «твёрдости» не дожидаться»*⁶⁴. Не стоит также забывать, что ожидание ответа из Парижа и Лондона, так же как весь летний период 1939 г. были осложнены серьёзными и даже драматическими изменениями в наркомате иностранных дел. 3 мая Литвинова сменил Молотов, и подобная смена была чревата не только сменой внешнеполитического курса, но и жестоким отстранением людей Литвинова. Неверный или расходящийся с новой линией руководства дипломатический прогноз для посла мог обернуться трагически.

Несмотря на то, что в то время Франция самым серьёзным образом заинтересована в действенном договоре с СССР и французская позиция по существу отличается от английской, в Москве этого по-прежнему не замечают или не хотят заметить. В противном случае, советская дипломатия могла бы попробовать договориться, в первую очередь, с Парижем, что было бы вполне естественным благодаря существованию советско-французского пакта 1935 г.

11 мая 1939 г. в прямой связи с полученными ответами Франции и Великобритании на советские контрпредложения 17 апреля, в «Известиях» была опубликована статья «К международному положению», в которой

⁶³ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№6, л.3.

⁶⁴ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№5, л.7.

намеренно была допущена неточность. Посол Франции Пайяр попросил у нового наркома иностранных дел В.М.Молотова, сменившего М.М.Литвинова, разъяснений по поводу содержащейся в статье фразы: «Не имея пакта взаимопомощи ни с Англией и Францией, ни с Польшей...и т.д.». Молотов ответил, что эта фраза является *«формально неточной»*. *«У СССР есть такой договор с Францией. Более существенным является вопрос, эффективен ли советско-французский договор о взаимной помощи. Эффективность договора более важна, чем его формальное существование»*⁶⁵. Эффективность означала дополнение политического соглашения военным.

Медлительность британского МИДа косвенно свидетельствует о том, что французская сторона гораздо больше была заинтересована в успехе переговоров. Посол Франции Пайяр настаивал перед Молотовым, чтобы СССР не рассматривал позиции Лондона и Парижа, хотя они и согласованы, как единую англо-французскую позицию. Французские предложения «идут гораздо дальше английских». В речи перед Национальным собранием 27 июня Даладье призвал закончить «чрезмерно затянувшиеся переговоры и добиться соглашения с народами, решившими сопротивляться агрессии»⁶⁶.

1 июля Боннэ подтвердил через германского посла в Париже Вильчека, что Франция выполнит обязательства, данные Польше 31 марта 1939 г. Продолжая строительство системы гарантий, 23 июня Франция заключила соглашение с Турцией, пожертвовав в её пользу Александрийским санджаком. «Военная гарантия Румынии и Греции была бы пустым звуком без франко-турецкого и англо-турецкого соглашений», - писала газета *République*⁶⁷. То, что Турция – краеугольный камень восточно-средиземноморского равновесия, пошла на соглашение с западными демократиями, по мнению французской прессы, было залогом возможного соглашения с СССР. Статья одного из наиболее влиятельных правых

⁶⁵ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№8, л.17.

⁶⁶ АВП РФ, ф.0136, оп. 23, пап.31, д.№436, л.6.

⁶⁷ *La République*, 24.06.1939.

журналистов-«антимюнхенцев» де Кериллиса (de Kerillis) демонстрирует новую расстановку сил в предвоенной Франции: для тех, кто видел главную угрозу Франции в гитлеризме, очевидна была необходимость союза с СССР, как и опасность союза СССР с Германией. «Разве могла Турция, - пишет де Кериллис, - находясь в течение 15 лет тесном союзе с СССР, вступить в лагерь западных стран на другой день после проезда Потёмкина через Анкару, если бы советский министр наложил своё вето или сделал хотя бы одно формальное возражение? Можно думать, что если Турция вступит в союз с западными демократиями, то и СССР вступит»⁶⁸. За месяц до того, в связи с назначением нового наркома ИД СССР Молотова, когда встал вопрос о продолжении курса Литвинова, тот же Кериллис предупреждал: «В течение последних пяти лет в СССР преобладала прозападная партия. Этим объясняется, что Тухачевский и генералы, которые выступали за соглашение с Германией, расстреляны. Этим объясняется подписание франко-советского пакта взаимопомощи, вступление СССР в Лигу наций, которую он когда-то называл «публичным домом буржуазных государств». Но если, к несчастью, в СССР победит прогерманская партия, - тогда конец Европе»⁶⁹. Радикал П.Кот выступил в пользу союза с СССР. Он напомнил, что без русской помощи Франция не смогла бы выиграть войну 1914 года. «Мы, французы, никогда не будем достаточно многочисленны, чтобы создать плотину мира. Без русских восстановление фронта на Марне в 1914 г. было бы невозможно»⁷⁰, - вторил ему Э.Бюре в «Ордр».

Это была логика разрыва с Мюнхеном. К этой логике склонялись и Даладьё с Боннэ. Но Франция надеялась, что и СССР отойдёт от логики Рапалло. Драматическим образом, именно тогда, когда во французском общественном мнении произошёл поворот от Мюнхена к союзу с СССР (Россией), в СССР победила жёсткая прагматическая линия, выразителем которой был Молотов. Последующие события показали, что, в отличие от

⁶⁸ L'Époque, 27.06.1939.

⁶⁹ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№2: L'Époque, 08.05.39.

⁷⁰ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№2: L'Évre, 11.05.39; L'Ordre, 12.05.39.

Литвинова, он допускал возможность договориться как с западными демократиями (при условии, что этот договор предоставит действительные гарантии безопасности СССР), так и с Германией.

Ключевым звеном в строящейся системе гарантий оставалась Польша, которая, как заключил Молотов из разговора с польским послом в Москве Грибовским, «не хочет в данный момент связывать себя каким-либо соглашением с СССР или согласиём на участие СССР в гарантировании Польши, но не исключает последнего на будущее»⁷¹. И в Париже заинтересовано следили за развитием советско-польских отношений. Надежду вселяла поездка замнаркома ИД Потёмкина в Варшаву и его переговоры с Беком. Ж.Тувенен расценил улучшение советско-польских отношений как знак, «что может быть найдена практическая база для соглашения».⁷² В этой связи Поль Бонкур (Пари Суар, 11.05.39) замечает: «Франко-советско-польский пакт, связанный с франко-чехословацко-советским пактом и соглашением с Румынией..., могли бы гарантировать навсегда Польшу и мир. Необходимо Польше понять, что её сопротивление гитлеровским предприятиям нельзя себе представить, каковыми бы ни были её сила и храбрость, без соглашения с Россией, без помощи России»⁷³. Однако французская дипломатия на том этапе полагалась в этом вопросе на добрую волю советской и польской дипломатий и не стремилась оказывать давление на Польшу.

Советский Союз был не удовлетворён тем, что ему предложено дать односторонние гарантии Польше и Румынии без взаимных обязательств оказать ему помощь, если он будет вовлечён в войну. Кроме того, первостепенной угрозой для себя он считал не возможное нападение Германии через Польшу, которая уже гарантирована Англией и Францией и готова обороняться, а через прибалтийские страны. К тому же, в Москве

⁷¹ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№8, л.21 (11.05.39). Подчёркнуто мной – Е.О.

⁷² АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№2: L'Intransigeant, 11.05.39.

⁷³ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№2: Paris Soir, 11.05.39.

добивались одновременного заключения политического и военного соглашения. Последнее могло придать эффективность трёхстороннему пакту.

4.2. Второй раунд переговоров: Париж в поисках компромисса с Москвой

Начался второй раунд переговоров, и Литвинов, получив от Боннэ новые французские предложения, сообщил Сталину 28 апреля 1939 г.: «1) *Видоизменённое предложение Боннэ звучит почти издевательски. Мы получим помощь лишь в том случае, если Англия и Франция по своей инициативе окажутся в конфликте с Германией, и они будут получать нашу помощь.* 2) *Есть разница положительного характера: в первоначальном предложении говорилось лишь о Польше и Румынии, в новом – о предупреждении всяких изменений, навязанных силой в статус кво Центральной и Восточной Европы. К Восточной Европе должны быть причислены и Балтийские страны, если Боннэ мысленно их не исключил.* Далее Литвинов советовал выждать, пока очередная речь Гитлера «укрепит нашу позицию». Нарком дал Сурицу распоряжение «не обращаться ни к Боннэ, ни к Даладье за какими-либо уточнениями, чтобы не создать у них впечатления о нашей готовности отнестись серьёзно к французским предложениям»⁷⁴.

В конце мая англо-французская сторона пошла на уступки, согласившись с двусторонним характером обязательств и с расширением содержания переговоров. В ответе Москвы, переданном 2 июня, отклонён пункт, предусматривающий, в случае агрессии, обращение к процедурам Лиги наций. СССР настаивал на внесении в проект соглашения обязательства, исключающего возможность сепаратного мира или перемирия и предложил определить срок действия договора: на пять лет с предупреждением за полгода относительно его возобновления. Это

⁷⁴ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№5, л.9. Выделено мной – Е.О.

предложение вызвало серьёзные возражения в Лондоне, но было принято Парижем (в проекте от 8 июля)⁷⁵.

Возникают расхождения в определении круга гарантируемых стран. Англо-французская сторона указывала в качестве таковых Польшу, Румынию, Грецию, Турцию и Бельгию, а также страны, которым они готовы оказать помощь, если те о ней попросят: Голландию, Швейцарию и все прибалтийские государства. СССР не был заинтересован в гарантиях странам, обеспечивающим только безопасность границ Франции. Требование СССР (02.06.39) включить в список гарантируемых стран Латвию, Эстонию и Финляндию, было на тот момент отклонено Лондоном. Зато Даладьё в статье о положении лимитрофов в случае германо-польского конфликта, опубликованной в «Эпок», выступил в защиту советской позиции: *«Германия желает нейтрализовать прибалтийские страны, имея целью конфликт с Польшей...Надо напомнить им, как Германия денонсировала свой пакт 1934 г. с Польшей, когда это показалось ей удобным...Лучшей гарантией независимости прибалтийских стран было бы их вступление в коллективные действия с Польшей и СССР, которые опираются на Англию и Францию. Но они как будто ещё не готовы вступить на этот путь»*⁷⁶.

В англо-французском проекте от 1 июля 1939 г. дано согласие не прибегать к длительным процедурам Лиги наций и гарантировать Финляндию, Латвию и Эстонию, но в качестве гарантируемых стран фигурируют нейтральные Швейцария, Люксембург и Нидерланды. Французский МИД предлагает не публиковать этот список, а дать его в приложении. Отсутствовал в новом предложении и важный для СССР пункт о невозможности сепаратного мира. В ответ Москва настаивала на исключении гарантий со стороны СССР нейтральным странам и на внесении в текст соглашения условия оказания помощи в случае не только прямой, но и косвенной агрессии⁷⁷. Молотов считал, что тем самым обходится

⁷⁵ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№8, л.3.

⁷⁶ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№2 : L'Époque, 09.05.1939.

⁷⁷ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№8, л.16.

важнейший для Советского Союза вопрос о гарантиях северо-западных границ. Кроме того, Москва так и не получила согласия на начало переговоров по военному соглашению в дополнение к политическому договору. Молотов заявил, что это «*сводит весь проект к простой декларации*»⁷⁸. Своё суждение он повторил после получения франко-британских предложений от 16 июля, несмотря на готовность Парижа и Лондона внести в договор определение косвенной агрессии. По мнению Кремля, все уступки западных демократий недействительны, пока они не конкретизированы в военном соглашении⁷⁹.

Несмотря на серию уступок советским требованиям, переговоры по тройственному пакту обнаруживали ответное недоверие с англо-французской стороны. В советском требовании внести в текст определение «косвенной агрессии» во второй версии (предусматривающей выполнение обязательств, если сила или угроза силы приведёт к власти в гарантируемых странах прогерманские правительства) западные державы усматривали опасные черты «политики à la russe», царистской или большевистской, т.е. стремление к экспансии на пространстве бывшей Российской империи⁸⁰. Боннэ в беседе с Сурицем (6 июля 1939) заявил, что формулировка, внесённая советской стороной, означает вмешательство во внутренние дела этих стран⁸¹. Западные демократии с полным пониманием относились к чувствам прибалтов, поляков и румын, которые боялись восточного соседа.

Только сообщение НКВТ СССР о возобновлении переговоров о торговле и кредитах с Германией (22 июля) повлекло за собой согласие Парижа и Лондона (27 июля) на военные переговоры в Москве. Посол Франции в Москве Нажиар предупреждал Боннэ в начале августа, что неудача переговоров по тройственному пакту может привести к соглашению между Берлином и Москвой, а это «*было бы сигналом к смерти для балтийских*

⁷⁸ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№8, л.28.

⁷⁹ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№8, л.33.

⁸⁰ DDF, T.XVII, № 456.

⁸¹ АВП РФ, ф.06, оп. 1а, пап.25, д.№5, л.57.

государств»⁸². Затягивание франко-англо-советских политических переговоров, по мнению французского поверенного в делах в Берлине де Сент-Ардуэна, могло «*подать фюреру идею молниеносного броска для уничтожения польской армии, чтобы поставить англо-французских союзников перед свершившимся фактом. И опасность эта существует, пока не будет разрешена русская загадка*» (пока не ясна позиция России).⁸³

В августе многие во Франции чувствовали неотвратимость войны из-за Данцига и Польши. Боннэ считал очевидным, что «*в недели после 15 августа следует ожидать решающих событий*»⁸⁴. Советское требование дополнить политическое соглашение по англо-франко-советскому пакту военной конвенцией не встретило возражений, тем более, что оно повторяло схему соглашения с Турцией. Однако между английским и французским МИДа́ми не было единства в отношении к этим переговорам.

4.3. Решающая стадия: Франция в борьбе за восточного союзника на переговорах военных миссий в Москве

Французская сторона усматривала в настойчивом желании СССР дополнить обсуждавшееся политическое соглашение военным признаком серьёзности намерений гарантировать Польшу. Французской делегации на московских переговорах дано указание министра Боннэ «*прийти к соглашению как можно скорее, не увязая в деталях*»⁸⁵.

Лондон по-прежнему возлагал надежды на умиротворение Германии, вёл интенсивные переговоры с Германией, предлагая ей посредничество по Данцигу. Английской делегации, медленно вместе с французами, плывущей в СССР (якобы для того, чтобы не подвергать опасности перелёта группу высокопоставленных военных), было дано указание затягивать переговоры. Глава английской миссии ознакомил французского посла Нажиара с инструкциями Чемберлена. Французский дипломат был шокирован их

⁸² DDF, T.XVII, № 456.

⁸³ DDF, T.XVII, p.629 (01.08.39).

⁸⁴ DDF, T.XVII, №527, p.869, 12.08.39.

⁸⁵ DDF, T.XVII, №527, p.869, 12.08.39.

содержанием. Он, так же как глава французской военной миссии генерал Думенк считали, что *«во первых, эти инструкции противоречат договорённостям между тремя правительствами, согласно которым военные переговоры продолжаются одновременно с урегулированием оставшихся разногласий по политическому соглашению. Кроме того, они страшно опасны, если только британское правительство не хочет аннулировать столь важные результаты, уже достигнутые, и не желает в тайне провала переговоров, публично заверяя о надеждах на их успешное завершение»*⁸⁶. Это сообщение, адресованное министру Франции, свидетельствует о принципиальных расхождениях в намерениях Парижа и Лондона относительно действительных перспектив англо-франко-советского пакта и московских переговоров. Видимо, весьма скромный состав участников англо-французской делегации и их неспешная поездка в Москву – дело рук британцев. Несмотря на отмеченную французскими представителями сердечность, проявленную московскими хозяевами переговоров, те не упускали случая напомнить о несоответствии скромного статуса участников переговоров с англо-французской стороны статусу советской делегации, состоящей из пяти первых лиц советской военной верхушки⁸⁷.

СССР, который сам со 2 августа практически начал секретные переговоры с Германией, постоянно боялся сепаратного соглашения Берлина с Парижем и Лондоном. Кроме того, он не хотел быть простым орудием в политике и стратегии западных держав. Равноправие – главное требование советской стороны на переговорах по тройственному пакту. Таким образом, с начала и до разрыва московских переговоров Франция оставалась стороной, наиболее заинтересованной в их успехе.

В глазах Сталина о серьёзности военных намерений Франции и Англии и о действенности пакта должен был свидетельствовать ответ на вопрос, будут

⁸⁶ DDF, T.XVII, №529. Подчёркнуто мной – Е.О.

⁸⁷ АВП РФ, ф.06, оп.1а, п.25, №11, № 12.

ли пропущены советские части для оказания военной помощи в случае начала агрессии через территории Польши и Румынии. Даже если сомневаться в искренности советской стороны, отношение к этому вопросу французской стороны представляется принципиально важным.

В письме Нажиара Ноэлю (послу в Польше) от 24 августа 1939 г., содержится косвенное подтверждение, что в течение 5 месяцев трёхсторонних переговоров французская сторона не вела на этот счёт с Варшавой никаких политических консультаций. Нажиар считал, что ещё до начала военных переговоров в Москве следовало бы добиться от Польши хотя бы молчаливого секретного согласия на проход советских войск под французские гарантии территориальной целостности Польше (7 августа)⁸⁸.

Вопрос о пропуске советских войск через Польшу, вызвавший приостановку московских переговоров с 17 по 21 августа, когда счёт шёл буквально на часы, был адекватно оценен французской стороной. Париж настоятельно советовал Варшаве воспользоваться советско-польскими торговыми переговорами и дополнить их соглашением о военном сотрудничестве. Докладывая о разговоре с послом Польши в Москве Гржибовским 7 августа, Нажиар писал Боннэ: *«Желая успеха англо-франко-русским переговорам и опасаясь, как бы их провал не создал условий для создания Германией вместе с СССР союза, который был бы гибельным для Польши так же как для Франции и Англии, правительство в Варшаве, кажется, не отдаёт себе отчёта в неотложной необходимости внести в текущие (польско-советские торговые) переговоры пункт о сотрудничестве, без которого военная помощь России, как бы она ни была чётко определена на бумаге, останется недействительной»*⁸⁹. Видимо, именно уверенность в бесполезности давления на Польшу в этом вопросе была главной причиной того, что это давление не осуществлялось французской дипломатией до критической даты

⁸⁸ DDF, T.XVII, №410.

⁸⁹ DDF, T.XVII, №455.

Только между 15 и 20 августа, после заявления Ворошилова о приостановке переговоров до получения ясного ответа из Варшавы о пропуске войск, французское правительство начало энергичное давление на польскую сторону⁹⁰. Для членов французской делегации настойчивость СССР в этом вопросе свидетельствовала о том, что «русские не собираются с балкона наблюдать, но по-настоящему вмешаться» в случае агрессии против Польши⁹¹.

4.4. Неудача миссии Мюсса: возможны ли гарантии против гарианта?

16 августа, когда переговоры приостановлены Ворошиловым, Боннэ и Даладьё послали в Варшаву ген. Мюсса (Musse) военного атташе в Польше для переговоров с польским Генштабом. Боннэ писал послу Ноэлю: «Надо убедить Варшаву принять помощь русских»⁹². «Главное, чтобы они не заняли позицию, которая приведёт к разрыву наших переговоров с русскими», - настаивал Нажиар в письме Боннэ 17 августа, сообщая об отъезде в Варшаву капитана Бофра от Думенка с информацией о переговорах⁹³. Похоже, неуступчивость Польши вызывала досаду союзников, хотя они и понимали весомость психологических и политических причин отказа.

Одновременно происходила англо-германская встреча по Данцигу, тем большее раздражение вызывала непримиримость Бека в Париже. 16 августа Боннэ поручил Ноэлю, французскому послу в Варшаве, срочно информировать польское правительство о том значении, которое он придаёт разрешению вопроса о пропуске советских войск. Сам он не надеялся на успех этого демарша. У него сложилось впечатление, что посол Польши Лукашевич *«не отдаёт себе отчёта в опасности, которой вследствие этого непонимания подвергается его страна»*⁹⁴. Вместе с тем, резкость

⁹⁰ Renouvin P. Histoire des relations internationales.- P.: Hachette, 1994, т.3, p.744.

⁹¹ DDF, Т.XVII, №94 (Думенк-Даладьё).

⁹² DDF, Т.XVIII, №68.

⁹³ DDF, Т.XVIII, №88.

⁹⁴ DDF, Т.XVII, №70.

Ворошилова не оставляла сомнений в том, что от Варшавы необходимо для возобновления переговоров добиться положительного ответа, «официального, чисто формального, или хотя бы молчаливого согласия» (officielle, officieuse et même tacite)⁹⁵. Польской стороне переданы конкретные советские предложения. При этом обращено её внимание на то, что условия прохода советских войск строго ограничены выполнением его *союзнических* обязательств, а территориальная целостность Польши при этом гарантированы Англией и Францией⁹⁶. Складывалась достаточно парадоксальная ситуация, когда два западных гаранта вынуждены были дать Польше гарантии против третьего гаранта – СССР.

Как и предполагал Боннэ, миссия Мюсса не удалась. В Варшаве царили совершенно иные настроения. Там не придавали московским переговорам решающей роли. И эти настроения передались генералу Мюссу, военному атташе Франции в Польше. Ещё 7 августа 1939 г. он писал в своём донесении: *«Польша не изменит своей позиции, и если Гитлер поймёт, что атаковав Польшу, он развяжет всеобщую войну, он вовремя остановится. Что касается возможного влияния исхода московских переговоров на решения фюрера, то не надо его преувеличивать. Главное, чтобы Рейх не мог в своих расчётах представить себе, что СССР может встать на его сторону. Впрочем, кажется, эта возможность исключена»*⁹⁷.

19 августа, после трёхчасовых переговоров с генералом Сташевичем и по соглашению с Беком английский и французский военные атташе вынуждены были заявить Даладье, что их миссия закончилась неудачей: *«Наша делегация в Москве может действовать, как если бы никакого вопроса перед поляками не было поставлено»*⁹⁸.

Мюсс не разделял раздражения своих коллег, находившихся в Париже и в Москве. Он сочувствовал польской позиции и 20 августа назвал сопротивление поляков *«непреодолимым, поскольку оно основано на*

⁹⁵ DDF, T.XVIII, №90, p.122 (Нажиар – Боннэ 17.08.39).

⁹⁶ DDF, T.XVIII, №93.

⁹⁷ DDF, T.XVII, №512, p.833.

⁹⁸ DDF, T.XVII, №147.

*священном принципе». В дипломатической лексике решение, принятое на переговорах в Варшаве относительно франко-английского демарша звучало достаточно категорично: его следовало расценивать как «*non du*». Из Варшавы доложили: «*Французская делегация свободно может контратаковать русских по поводу их преждевременных и нечётких требований. Поляки уверены, что это шантаж и что Советы физически не способны осуществлять предусмотренные наступательные действия*»⁹⁹..*

В результате, к назначенной Ворошиловым дате возобновления переговоров в Москве 21 августа, согласие из Варшавы не было получено, и, несмотря на отчаянные попытки спасти переговоры, в одиночку предпринимаемые генералом Думенком, Ворошилов заявил о незаинтересованности в их дальнейшем продолжении. Дело в том, что Думенк, прекрасно осведомлённый о провале миссии Мюсса, пытался уверить Ворошилова в её успехе. Генерал сообщил наркому, что «*получил от (своего) правительства разрешение дать утвердительный ответ на вопрос, поставленный советской делегацией*». Ворошилов просил ознакомить его с официальным документом, это подтверждающим и интересовался, имеется ли аналогичный ответ у английской миссии.

Думенк вынужден признать, что прямого ответа нет, но правительство дало ему право подписать военную конвенцию, в которой будет упомянуто разрешение на пропуск советских войск в предложенных советской стороной пунктах. Ворошилов ответил, что ему не достаточно заявлений только Думенка: «*английская миссия, как мне кажется, играет если не доминирующую, то равнозначущую роль во всех наших переговорах. Поэтому без ответов английского правительства на наш вопрос...трудно будет продолжать работу совещания*». Ворошилов выразил сомнение, что «*положительный ответ из Парижа согласован с поляками. В противном случае, они захотели бы присоединиться к переговорам. Поскольку этого нет, значит, они не в курсе или не согласны*». Нарком хотел, чтобы «*эти*

⁹⁹ DDF, T.XVIII, №147, p. 189, 215.

ответы содержали точное указание о том, что Польша об этом знает. Мы не хотим, чтобы Польша демонстрировала свой отказ от нашей помощи, которую мы ей не собираемся навязывать», и предлагал подождать, «пока всё станет ясным».

Думенк настаивал на немедленном подписании военного соглашения, поскольку *«уже объявлено, что кое-кто должен приехать, и мне эти визиты не доставляют удовольствия».* Это был намёк на прибытие в Москву Риббентропа. Ворошилов ответил, что *«если ничего в политике не произойдёт за это время, тогда мы быстро сможем договориться».* Ворошилов не мог сказать определённое, но он намекнул на готовящееся соглашение с Риббентропом. Думенк же подумал, что тот имел в виду декларацию польского правительства¹⁰⁰.

Одновременно (22 августа) из Парижа Боннэ предпринял последнюю попытку спасения переговоров. Через посла Ноэля он настоятельно требовал *«в связи с неотвратимым подписанием советско-германского пакта добиться от Польши хотя бы молчаливого согласия, которое позволило бы генералу Думенку действовать от имени Польши, имея в виду единственно возможную войну, в которой Россия могла бы прийти ей на помощь».* *«Даже если это не даст результата, это, тем не менее, позволит возложить на Россию ответственность, которую в противном случае Польша с ней разделит. Польша не может, ни морально, ни политически отказаться от последнего шанса спасти мир»*¹⁰¹.

23 августа от Бека пришло согласие с формулировкой, что *«сотрудничество между Польшей и СССР (в случае агрессии против Польши со стороны Германии) не исключается»*¹⁰². Нажиар назвал это *«запоздалой и недостаточной уступкой, поскольку она не даёт чёткого представления о решении польского правительства».* И 24 августа генерал

¹⁰⁰ АВП РФ, ф.06, оп.1а, п.25, №12. Встреча Ворошилова с Думенком вечером 22.08.39. Выделено мной – Е.О.

¹⁰¹ DDF, T.XVIII, № 235.

¹⁰² DDF, T.XVIII, № 301.

Мюсс получил принципиальное согласие Бека на техническое сотрудничество с СССР в случае совместных действий против германской агрессии¹⁰³. В тот же день посол Франции в Москве Нажиар написал по этому поводу своему коллеге в Варшаве Ноэлю: *«Гитлер без колебаний решился на шаг, который Бек, опираясь на наши гарантии, отказался совершить... Он договорился с новой Россией как держава с державой, отбросив тем самым Польшу на её место, такое незащищённое. Она распластана между германцами и русскими»*¹⁰⁴.

Упущенные возможности и их трагические последствия вызывают не только сожаления, но и вопросы. Неадекватная оценка значения позиции СССР в августе 1939 г. имела свои причины. Одна из них - невысокое мнение о военных возможностях Красной Армии, ослабленной «исчезновениями» в 1937-1939 гг. её командной верхушки (об этом писали французские военные журналы в 1939 г.). Но главная причина - во взаимном недоверии сопричастных строительству тройственного пакта сторон, в противоречивом и нечётком понимании главной угрозы и, следовательно, в запоздалом появлении политической воли к соглашению. В отличие от Нажиара, Боннэ и Бек не верили, что Сталин может договориться Гитлером вплоть до момента, когда советско-германский пакт стал очевидностью. В августе 1939 в Париже предпочитали думать, что угроза германской агрессии и даже сама агрессия против Польши, могла толкнуть Кремль к скорейшему заключению компромисса с западными державами.

Только шок, вызванный сообщением о советско-германском пакте, увенчавшем тайные переговоры Молотова с Риббентропом, стал тем моментом истины, который показал ключевое значение компромисса между СССР и Польшей для системы гарантий. Но заключение пакта означало крах этой незавершённой и столь несовершенной системы.

¹⁰³ DDF, T.XVIII, № 396.

¹⁰⁴ DDF, T.XVIII, № 410.